ПАВЕЛ ИЕВЛЕВ

ТЕЛЕФОН ГОСПОДЕНЬ

Annotation

Нуарно-сюрная история, в которой очень странные НЕсталкеры в очень странной НеЗоне... Не делают почти ничего.

Так тоже бывает.

- ○ Глава 1

Телефон Господень

Глава 1

Унылый полицейский в серо-голубом городском камуфляже смотрится в весеннем ярком лесу как мрачный клоун. Какие бесы занесли штатских пепсов в эти странные края? Или это новое охранное подразделение, о котором давно ходили слухи?

Вид у патруля не слишком уверенный, возле Зоны им явно неуютно, но документы они проверяют так, как будто ожидают прочесть на страницах наших паспортов невесть какие откровения. Ну, или прикидывают коррупционную ёмкость инцидента. От старой охраны мы откупались парой бутылок, плевать им на нас было, а у этих чёрт знает какой прайс.

Дотошный сержант сопит, пыхтит, шевелит тараканьими тонкими усиками — не то мыслить пытается, не то запор. Но двое таких же серо-голубых арлекинов страхуют его сзади, не то чтобы направив на нас стволы коротких автоматов, но выражая всем своим видом готовность к этому действию. Нашли, блин, террористов.

— Ну… — выдал, наконец, главпепс. — Это несерьёзно вообще. Что вы нам суёте? А где штампы службы фитоконтроля? Где справки санитарной службы? Где страховые полиса? Предписание? Акты сверки груза?

Да, конечно. То, чего у нас нет, он до вечера перечислять будет. Теоретически проехать в Зону можно, но, чтобы собрать все необходимые бумажки, ходатайства и разрешения, жизни не хватит. Поэтому никто и не собирает, все так ездят. Бабло превозмогает зло, да и насрать всем, на самом-то деле.

Это вначале, когда Зона только учинилась, всяких блогеров-ютуберов от неё поганой метлой гнали, а они всё не унимались, болезные. «Подписывайтесь на канал «Тайные тайны таинственных таинств!» Мы с Мишкой звали их «канализаторами Зоны», и спасу от них никакого не было. Но потом публика утомилась от однообразных репортажей ни о чём, донатить им перестали, и они сами рассосались. Другие темы канализировать.

Мишка тем временем пытается всучить бдительному полицеймахеру наши журналистские корочки, а тот возмущённо от них отпихивается, как будто они заразные. Они не дают нам никакого права

на въезд. И письмо от редактора не даёт. И аккредитация тоже. Все эти бумажки нужны только, чтобы между ними вкладывать другие бумажки, с нулями. Но, не зная ценника у этих новых, боязно. Да и поиздержались мы, признаться. Нам-то тоже никто не донатит теперь, всё сами.

Последние скудные финансы ушли на солярку и на продукты. Кто знал, что тут будет торчать этот дурацкий патруль? Кого они тут ловят, скажите на милость? Мародёры уже давно угомонились, уяснив, что риск несоразмерен навару, а всевозможные сталкеры (по сути, те же мародёры), равно как и контактёры-романтики, перечитавшие книжек-с-точками, либо разочаровались, либо канули. Местного же населения, по официальным данным, и вовсе не существует — МЧС торжественно заявило, что никаких людей на территории Закрытой Зоны нет и быть не может. А распространители вздорных слухов будут примерно наказаны, чтобы другим неповадно было.

Нам было неповадно, и мы помалкивали. Не больно-то и хотелось.

Переговоры с представителями власти зашли в тупик — до стражей порядка дошло, что денег им никто не даст, и пятнистые начали обиженно сопеть и помавать в нашу сторону стволами. Пора было сматываться, пока им не пришло в голову проверить содержимое багажника. Я выскочил из автобуса и торжественно обратился к полицейскому:

— Поздравляю вас, товарищ сержант! Вы прошли проверку! Бдительность на высоте! Это было журналистское расследование с целью проверки слухов о пересечении границ зоны отдельными безответственными элементами в безответственных целях полной безответственности! Но ваша ответственность находится на полной высоте должной бдительности, каковая ответственно пресекает прискорбные случаи единичной пенетрации элиминированного объекта!

Правой рукой я при этом прочувствованно тряс могучую длань обалдевшего сержанта, левой же аккуратно изъял у него наши документы и незаметно сунул себе в карман. На лице полицейского отражалось мучительное раздумье — он задницей чуял, что кто-то сейчас окажется в дураках, и изо всех сил надеялся, что это будет не он.

— …Благодарю за проявленную бдительность и ответственное поведение! — закончил я свою речь.

Сообразительный Мишка уже завёл мотор и разворачивал автобус.

— Родина вас не забудет! — крикнул я на прощание, высунувшись в окно, и старенький «Фольксваген-Транспортёр», обдав служителей закона солярным дымом, бодро затарахтел прочь. Углублять знакомство с органами правопорядка в наши планы не входило.

Проехав пару километров, свернули на незаметную лесную дорожку и остановились, заглушив мотор. Минут через пять мимо с воем промчался милицейский «Патрик» — сержант явно понял, кто остался в дураках, и стремился наверстать упущенное. Путь был свободен.

По мере приближения к границе Зоны дорога постепенно сходит на нет — следы асфальта теряются в буйно разросшейся траве. Желающих сюда кататься почти не осталось. Вскоре «шоссе районного значения» превратилось в обыкновенную просеку в лесу. Микроавтобус порыкивал дизелем, медленно и осторожно прокладывая путь в высокой некошеной траве. Оставалось надеяться, что с прошлого года не появилось новых ям — изношенная подвеска нашего «поросёнка» могла и не выдержать. Лес в этих местах красив безумно — древние замшелые стволы вековых деревьев задрапировались буйной молодой порослью, а наглые белки бесстрашно перебегают дорогу, выдавая свою траекторию пушистыми мячиками хвостов. Стоит немного напрячь воображение, и легко представить, что здесь никогда не ступала нога человеческая. Это, конечно, не так — ступала и даже продолжает ступать, что бы там ни утверждали профессиональные брехуны из пресс-службы МЧС. Безлюдье здешнее кажущееся, и те, кого поспешно записали в «пропавшие без вести» (даже выплатив кому-то какие-то компенсации), пропали не так чтобы уж совсем…

Удивительное дело — как шумели по поводу Закрытой Зоны три года назад, и какая тишина теперь. Сотня квадратных километров Нижне-Сосновского района исчезла из государственного обихода, и — полная тишина. Писучая братия «канализаторов» убедилась, что никаких «артефактов», «аномалий» и «Чёрного Монолита» в ней не наблюдается, брошенных деревень можно в любой области хоть обсниматься, да и телефоны там не работают, а кто они без телефонов?

В общем, про Зону просто забыли. Все её чудеса оказались настолько немедийными, что хоть плачь. Никакого хоррора и саспенса, всё в голове да в душе происходит. А откуда у них душа, у канализаторов-то? Они её давно на рейтинги сменяли.

Учёных, которых поперву нагнали, так же и разогнали потом, убедившись, что никакого монетизируемого выхлопа от их деятельности нет и не предвидится. Не измеряется Зона их цифровым аршином. Не хочет, наверное. Осталось только делать вид, что ничего не случилось, взгромоздив на пути у энтузиастов-исследователей непреодолимую линию бюрократических рогаток, а на пути у немногочисленных волонтёров — вот такие кордоны.

Кстати, о кордонах. В ровный рокот двигателя начал, постепенно нарастая, вкрадываться неприятный навязчивый звук сирены. Кажется, наши камуфлированные друзья не дураки и не лишены упорства.

Мишка добавил газу и переключился на третью — автобус запрыгал по кочкам, опасно постукивая изношенными амортизаторами. Истерический вой нарастает — отважная полиция несётся, не жалея казённой машины. Малоприятная процедура «мордой об капот» выглядит весьма реальной перспективой, несмотря на бескапотность нашего «Транспортёра». Мишка наддал ещё, не обращая внимания на протестующие стоны кузова и лязганье подвесок. Сзади загрохотали, падая, канистры с соляркой. Позорный плен казался неизбежным — но за очередным поворотом нас ждала граница Зоны. Мишка давил на газ как ненормальный, по салону летали незакреплённые предметы, а я, чтобы не пополнить их число, вцепился мёртвой хваткой в сиденье. «Патр» стремительно приближался — наш транспорт не рассчитан на гонки по пересечённой местности.

Тем не менее, мы успели — когда двигатель чихнул, фыркнул и заработал снова, доблестные стражи порядка отставали от нас буквально метров на сто. То ли им не сказали, чем чревато пересечение границы, то ли в азарте погони они её не заметили — сирена заткнулась как застреленная, и машина, прокатившись по инерции, остановилась. Выскочившие из салона полицейские, выпучив глаза, смотрели нам вслед — каждому дураку известно, что никакие механизмы сложнее коловорота в Зоне не работают. Наш лично отцом Сергием благословленный автобус спокойно удалялся. Тарахтение дизеля звучало просто издевательски — патрульные, плюнув, уперлись плечами в капот, выталкивая несчастный «Патриот» обратно пердячим паром.

— Вот дрянь, — в сердцах сказал Мишка, — засветились! Теперь не отстанут…

— Да брось ты, не станут они докладывать, поленятся отчёт писать, — сказал я с оптимизмом, которого не испытывал. — Им же первым по фуражке прилетит.

— Дай-то бог… Всё равно придётся другой дорогой выезжать… А это что такое?

На дороге воздвиглась инсталляция. Вызывающе свежий столб с приколоченной обструганной доской, на которой было чёрной краской написано: «И воцарится Он со славою!»

— Что-то новенькое! Не было такого раньше… — протянул Мишка опасливо.

Всякое новое явление здесь вызывает справедливое недоверие — кто знает, что от него ждать? Тут бы со старыми как-нибудь разобраться… Автобус поравнялся с импровизированным дорожным знаком, и я высунулся в окно, чтобы рассмотреть его поближе.

— Отец Сергий балуется, — сказал я с облегчением, — наша краска, из прошлого завоза.

Шутник, однако.

Отец Сергий, местный многознатец, чудотворец и, как он сам себя в шутку (я надеюсь) именует, «Всея Зоны Верховный Патриарх», не лишён своеобразного чувства юмора. Просто своеобразие это требует некоторой привычки. Аккурат под появление Зоны он написал письмо в патриархию, объявив о полной церковной автономии своего прихода на том основании, что Церковь утратила мистическое знание, а приход как раз оное обрёл. А потому не он должен у них позволение на служение получать, а они у него. А он ещё и подумает, поскольку имеет откровение свыше и с Господом Богом прямой телефон.

Пока патриархия спустила сию цыдулю в регион, пока областная епархия раздумывала, является ли данный пердимонокль феноменом религиозным или, к примеру, медицинским, и не выслать ли к мятежному попу санитаров, грянула Зона. Отца Сергия немедля признали явлением несуществующим, а потому и безвредным. На том дело и кончилось.

Телефон у отца Сергия, кстати, действительно есть — зелёный пластмассовый аппарат с диском. Он его нам охотно демонстрировал, но поговорить не предлагал. Впрочем, телефонных проводов в этой глуши отродясь не было, поэтому мы и не пытались. Мало ли какие у человека странности? Тем более, что в остальном он поадекватнее многих. Не только в Зоне. Вообще.

***

Отыскать в дебрях Зоны храм отца Сергия — задача нетривиальная. Мы много раз пытались запомнить путь — бесполезно. На наши просьбы дорогу эту объяснить, Сергий отвечал с хитрой улыбкой: «Для чистого помыслами все дороги ведут к Господу. Ищите и обрящете!» Указание это, как и все его указания, следовало понимать буквально, поэтому мы просто свернули на первую попавшуюся лесную дорожку и поехали, совершенно не заботясь о направлении. Через десять-пятнадцать минут она вывела нас к обширной поляне, на которой расположилась небольшая деревянная церковь и домик,

скромно именуемый кельей. Отец Сергий уже стоит на пороге в подряснике и босиком, приветливо улыбаясь в чёрную с сединой бороду.

— Ну, наконец-то! — гулко пробасил он. — Ужин стынет!

Спрашивать его, откуда он знал, что мы приедем сегодня, да ещё и к ужину, бесполезно. «Господу ведомы пути праведных», — вот и всё. Иных ответов он не даёт, да и мы уж попривыкли. Зона же.

Приткнув автобус возле домика, открыли заднюю дверь и стали выгружать: чай, сахар, соль, хозтовары, несколько банок с оливками, к которым Сергий питает, по его словам, «греховную страсть» и —

дешёвую водку, да. Уж какая есть. Увы, гуманитарку теперь приходится покупать за свои, а «своих» у немногочисленных волонтёров не дофига. Отчего-то так сложилось, что помогают другим как правило те, кому самому в пору помощи просить. От Мишки, вон, даже жена на этой почве ушла. Потому что на годовщину свадьбы заместо нового айфона получила поцелуй в щёчку и букет цветов из Зоны. Букет и сейчас стоит, как вчера сорвали, а жена уже нового мужа нашла. Который всё в дом, а не всё из дома. И кто её упрекнёт?

Вначале на счёт для помощи неплохо капало, народ у нас, слава богу, отзывчивый. Возили мы тогда аж грузовиками — арендовали «Газель». Но капля камень точит: официальные заявления, что никаких людей в Зоне нет, а значит, все, кто собирает на помощь им, — жулики, постепенно сделали своё дело. Никто не любит жуликов. Теперь даже заикнуться про гуманитарку нельзя — закидают какашками в комментариях, и это в лучшем случае. Хорошо, если под уголовку не подтащат. Так что волонтёры остались только самые упёртые. Люди — твари социальные, и без общественного одобрения от себя отрывать — дураков нет.

Вернее, есть.

Но мало.

Мы, например.

**

Никакого даже самого плохонького огорода при хозяйстве отца Сергия не имелось. Но вот парадокс — стол всегда обилен. Отец Сергий, в своей обычной манере, комментирует: «Птицы небесные не жнут, не сеют, а Господь кормит». Однако на некоторые продукты, видимо, «кормление Господне» не распространялось — в том числе на оливки и водку. Не по чину они птицам небесным.

В чистой деревянной горнице привычно пахнет ладаном, горячим воском, сосновым дымом (ночи ещё холодны, и печку приходится подтапливать) и вкусной едой. На освещённом свечами столе громоздится горкой варёная рассыпчатая картошка, веерами лежат пласты прозрачно-розового сала. «Пост для человека, а не человек для поста!» — говаривал отец Сергий, потчуя нас. Сам он, впрочем, от мясного воздерживается. В мисках осклизло поблескивают солёные, мочёные и маринованные грибы всевозможных пород; изумрудными вениками тут и там блестит каплями воды свежевымытая, невесть откуда взявшаяся в апреле зелень, жёлтыми шарами тускло светятся

мочёные яблоки… Однако внимание наше привлёк отнюдь не обильный стол, а некое несуразное существо, вынимающее из жерла русской печи огромную сковороду жареных карасей. Небольшого росточка — мне по пояс, — оно с первого взгляда выглядит нескладным ребёнком, нарядившимся ради военной игры в лоскутный снайперский камуфляж, но приглядевшись, я понял, что трава и листья, покрывающие его с ног до головы, совершенно настоящие. Живые и зелёные, как весной и полагается. На том месте, где у человека располагается голова, здесь имеет место нечто вроде трухлявого пенька с угрюмо мерцающими в зарослях густого мха глазами.

— Что уставились? — прогудел за нашими спинами бас отца Сергия. — Леший это. На послушании у меня тут.

— К-как леший? — спросили мы хором.

— Да вы садитесь, садитесь, расскажу! В ногах правды нет, — Сергий помолчал и продолжил, входя в свой обычный повествовательный ритм. — И в руках нет. И в чреслах нет, и в пузе ненасытном тоже правды не имеется. Это-то каждому понятно. А вот то, что и в голове её нет — уже не любой понимает. Правда — она, вестимо, в душе человеческой. Но опять же не во всей, а только в той части, что с Господом соприкасается. И ежели человек в себе этой правды не чувствует, то жизнь его легка, но бессознательна, вроде как у дерева лесного. А когда ему правду эту покажешь, вот тут-то он из младенчества выходит. Ибо все мы дети божии, но одни ещё в люльке пузыри бессмысленные пускают, другие первые шаги совершают дрожащими ножками, огонь пальчиками пробуя, обжигаясь да плача, а третьи уже подросли да на папины книжки заглядываются — нет ли там картинок срамных? Да только не каждому по плечу ноша человеческая. Вот был тут у нас мужичонка из самых завалящих — пил горькую беспробудно, у детей последнее отымая да на самогон обменивая. Жену работящую поколачивал с похмелья, сам же от работы бегал и даром небо коптил. Начал я его увещевать, и увидел он в себе той правды отблеск слабенький. И себя рядом с ним увидел, каков он есть. И не выдержал в себе даже слабого отсвета света божественного, запил по-чёрному, чуть руки на себя не наложил. Вижу — не снести ему бремени жизни человеческой, слаб душою…

Отец Сергий споро разлил водку по берестяным рюмочкам, беззвучно чокнулся с нами, провозгласил тост «За крепость души!» и продолжил:

— И тогда воззвал я к Господу нашему, — при этих словах отец Сергий почему-то покосился на телефон, — чтобы дал он сему несчастному ношу по плечам его, сняв гнёт чрезмерный. И прислушался ко мне Господь, и разрешил его от жребия человеческого. Ибо человеку дано многое, но и спрос велик, а с лешего — что взять? Нечисть бессмысленная. Зато работящий теперь стал, по хозяйству у меня управляется. Хозяйство хоть и невелико, а всё помощь. Только до водки по-прежнему падок, не оставляйте на столе недопитую, непременно вылакает…

Отец Сергий решительно, как гранатную чеку, рванул кольцо на банке с оливками и немедля разлил по второй. Чокнулись, выпили. Мы с тихим обалдением посматривали на суетящегося возле печки лешего. Всякого мы навидались в гостях у Сергия, но это было чересчур… Поневоле задумаешься — а как-то я сам? Не жмёт ли жребий человеческий? В плечах не давит? А то помолится сейчас чудотворец наш, и побежишь собачкой какой-нибудь кустики во дворе метить.

И было выпито, и закушено, и ещё выпито многократно. Леший больше не занимал наших мыслей, поскольку и без него есть что обсудить. Раскрасневшийся отец Сергий вещает громовым басом:

— Не наукою единой жило человечество! Наука сия молода весьма и по молодости бесстыжа. Подглядывание срамное — вот весь ваш научный метод. Глядят в микроскопы да телескопы мужи великоумные — как там Господь мир устроил? И главного при всём своём великомудрии понять не могут — зачем устроил? Ибо может наука объяснить, почему у жирафа шея длинная, однако не постичь ей — почему именно у жирафа? Тысячи и тысячи лет прошло с Чуда Сотворения, а науке этой и трёх сотен не исполнилось. И поди ж ты — жизни без неё теперь не мыслят! Всё, что до неё было, во «мрак средневековья» записали! Это как если бы я, на старости лет умом подвинувшись, обрезание бы себе сделал, а вы бы решили, что я таким родился…

— Но как же развитие цивилизации? — робко возразил Мишка. — Расширение границ мира, познание вселенной. Всё это невозможно без тех же приборов!

— Приборы! — Сергий в сердцах грохнул по столу волосатым кулачищем. — Как вы приборы свои любите! Что есть прибор? Это протез для убогого! Отрезал человек по скудоумию себе ноги и прилепил на их место ходули железные, да ещё и радуется — прогресс,

мол, у него, природы изменение… Затем ли нас Бог сотворил по образу своему и подобию, чтобы мы себе железки ко всяким местам приставляли да ими же мир ощупывали, как слепой своей палкой? Нам Господь дал очи духовные, а вы, зажмурившись, палкой тычете… Посему и не работают в Зоне все железки эти, ибо не отверзнет человек очи свои, покуда палку эту у него не отберёшь. Для вас только попущение делаю, по слабости своей — бо грешен и чревоугодию пристрастен, да и разговорам умствованным, а тех, кто под водительством моим духовным находится, умствованиями своими смущать не смею. Ибо горе тому, кто соблазнит малых сих!

Мы сидели открыв рот и выпучив глаза, у Мишки с вилки медленно сползал маринованный гриб. До нас доходило долго и мучительно, как до того жирафа, для науки загадочного. И дошло.

— Так это ты, батюшка, Зону учинил?

— А вы инопланетян ищете? — засмеялся Сергий. — Не волею моею, но попущением Господним!

— Но… Как?

— Господь по молитве управил. Бо слышит Господь молитву мою по прямому телефону на небеса, и отвечает не словом, но делом.

Мы покосились на телефон. У перемотанного изолентой старого аппарата, по-моему, и провода-то не было. Отец Сергий, меж тем, продолжал:

— В служении Богу и людям годами пытался я привести свою паству к Господу, но был мой труд духовный безуспешен. Невелика Нижняя Сосновка, а и той управить не мог. Приходили люди в храм и каялись, но возвращались в дома свои и жили как прежде, в грехах и пьянстве. Ибо люди слабы, а мир давит на них. И впал я в грех уныния, и запил крепко, поскольку тоже человек, и слаб бываю. И в отчаянии своём возопил я к Господу, как Моисей в пустыне, а поскольку пьян был, то кричал в телефон этот дурацкий: «Слышишь ли меня, Господи! К тебе взываю!» И услышал меня Господь. И ответил: «Вручаю тебе людей сих!» И сказал я тогда: «Господи, слабы люди эти и я слаб. Огради малых сих от соблазна!» И стало по слову моему.

Воцарилось молчание. Отец Сергий в задумчивости раскачивался на дубовом табурете, отставив в сторону берестяной стаканчик. Мне очень хотелось что-то сказать или спросить, но ничего не приходило в голову. И тут в тишине грянул телефонный звонок. Зелёный пластиковый аппарат грохотал пронзительно, просто подпрыгивая от нетерпения. Меня охватили мрачные предчувствия — не беды или несчастья, а просто — кончалось в нашей жизни что-то хорошее. Отец Сергий подхватил аппарат и тяжёлыми шагами удалился в другую комнату. Провода у телефона действительно не оказалось.

Мы сидели, невольно прислушиваясь, но из-за толстой двери не доносилось ни звука. В печке потрескивали дрова, и шуршал чем-то в сенях хозяйственный леший. Открылась дверь. Отец Сергий тихими шагами подошёл к столу. На лице его обозначилась какая-то удивительная светлая грусть.

— Пора вам, ребята, в обратный путь собираться. Простите, что на ночь глядя выгоняю, но пришло время.

— Отец, Сергий, мы ж выпимши, как поедем? — растерянно спросил Мишка.

— Ништо, Господь управит.

Я понял, что совершенно трезв — как будто и не было ничего. Мишка тоже уставился в угол с задумчивым лицом, прислушиваясь к изменениям в организме. Господь «управил». Он может.

— Что случилось, отец Сергий?

— Закончились труды мои. Иная теперь судьба и у меня, и у паствы моей. А вам, ребята, спасибо за всё, а особенно за разговоры наши душевные. Бог даст, и ваша душа когда-нибудь проснётся и увидит, как мир устроен, может, тогда и увидимся. На прощание скажу только, что нужно на мир сердцем смотреть, тогда и вам Господь ответит.

Свет фар с трудом раздвигает темноту лесной дороги, отвоевывая у неё овальное пятно желтоватой колеи. Размеренно тарахтит двигатель, погромыхивают на кочках канистры. Говорить не хочется. Внутри всё словно онемело, как под наркозом. Поэтому когда впереди на обочине резко зажглись фары и закрутились беззвучно красно-синие маячки, мы даже не испугались.

— Попались, — спокойно сказал Мишка, — гадство, тот самый патруль…

— Ну, попались… — так же вяло отреагировал я.

— Документики ваши!

Тараканоусый сержант, как ни странно, ничем не показал нашего недавнего знакомства. Не узнал, что ли?

Тщательно изучив документы и несколько раз сличив фотографию в правах с Мишкиной круглой физиономией, он поинтересовался наличием страховки. Покрутив в руках полис, полицейский вернул его с явным сожалением — всё было в порядке.

— Выпивали?

— Да как можно! Ни в жисть! — убедительно соврал Мишка.

— Куда едем?

— Домой! — ответили мы устало.

— А откуда? — задал он вопрос, которого мы ждали с самого начала.

— Из Нижней Сосновки, — ответил я обречённо.

Врать смысла нет, дорога одна.

— Из какой ещё Сосновки? — сержант нахмурился.

— Из Нижней, вестимо.

— Что вы мне заливаете? Нет здесь никакой Сосновки, ни Нижней, ни Верхней, ни Задней!

— Как нет? Вот же, посмотрите! — Мишка достал из «бардачка» карту-двухкилометровку. Открыв на заложенной странице, он хотел было уже сунуть её под фонарик сержанта, но вдруг выпучил глаза и ткнул мне под нос.

— Смотри!

Все населённые пункты на своих местах, но районы как будто сползлись к центру карты, гранича между собой. Впечатление было такое, как будто искусный портной вырезал аккуратно по контуру Нижне-Сосновский район и ловко заштопал прореху, да так, что и следов не осталось.

— Езжайте, — сержант раздражённо вернул Мишке документы и пошёл к своему «Патриоту», светя фонариком под ноги. Только сейчас я заметил, что на нём теперь не камуфляж, а форма ГИБДД, да и машина в раскраске ДПС.

Мы не заставили себя долго упрашивать. Когда отъехали, Мишка немного расслабился и сказал:

— Всё, отъездились.

— Да, похоже на то, — согласился я.

— Жалко! — вздохнул Мишка. — Прикольный был мужик отец Сергий.

— Надо было у него номерок попросить. От того телефона…

— Интересно, туда по какому тарифу звонки? Почём минута? — скептически хмыкнул Мишка.

— Зато теперь станем нормальными, как все. Меня в Москву на журнал зовут, ты, может, даже опять женишься, — утешил его я.

Вышло как-то неубедительно, и мы замолчали, устало глядя на дорогу.

Ровно работал мотор, и раздвигали темноту пустой дороги фары, рисуя на асфальте неровный световой овал. Мне подумалось, что вот

так же раздвигал темноту мира отец Сергий, нарисовав свой светлый круг, куда нас влекло, как глупых мотыльков.

Теперь он погас, и мы можем лететь, куда хотим.

Но хотим ли?